

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

Восприятие Японии в российском общественном сознании

Л.В. Сморгунов, О.А. Игнатьева

Аннотация. Япония долгое время оставалась страной, закрытой для России. По некоторым источникам, знакомство с её жителями началось в XVII в., а первую непосредственную информацию о быте и укладе японцев мы получили из описаний тех, кто осваивал Дальний Восток в XVIII в., и русских мореплавателей. Особенно неоценимый вклад в вопрос познания Японии на начальном этапе сделал пленённый в начале XIX в. японцами капитан В.М. Головнин. Исследование страны означает не только фокус на политических или экономических отношениях, но и на психологической перцепции жителей стран друг другом. Этот уровень мягкой силы важен для формирования добрососедской ментальности и способности толерантно воспринимать друг друга, что создаёт прочную основу для долгосрочных мирных отношений. Целью данной статьи является анализ разных источников как академического, так и бытового плана для характеристики образа восточного соседа, сложившегося в сознании российских граждан. Для достижения поставленной цели используется феноменологический подход в контексте «восприятия другого». В работе последовательно обосновывается доминирование исторической памяти в выстраивании отношений по типу невоенного соперничества и разрешаемого конфликта. Логика и структура статьи представляет собой движение от анализа отношений между жителями наших стран, начиная с записок мореплавателей в XIX в. и заканчивая усилением совместных контактов после развала СССР. Рассматривается динамика текущих отношений на основе привлечения материалов социологических опросов. Анализируется восприятие японской культуры российской молодёжью в контексте субкультуры аниме и дзен-буддизма. Сегодня особую роль в формировании представлений о других странах играют информационно-коммуникационные технологии, которые ускоряют взаимодействие и создают виртуальное пространство для интенсификации личных контактов. Таким образом, авторы приходят к выводу, что образ Японии в сознании и ментальности российских граждан формировался и формируется по агонистическому типу, предполагающему принятие инаковости другого, а не отторжения, как в случае «восприятия другого» по полемическому типу.

Ключевые слова: Япония, Россия, восприятие другого, историческая память, *agon*, *polemos*, аниме, дзен-буддизм.

Авторы:

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9). ORCID: 0000-0002-2581-2975; E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Игнатьева Ольга Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9). ORCID: 0000-0002-1658-6427; E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Восприятие Японии в российском общественном сознании // Японские исследования. 2022. № 4. С. 56–74. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

The perception of Japan in the Russian public consciousness

L.V. Smorgunov, O.A. Ignatjeva

Abstract. Japan has long been a country closed to Russia. According to some sources, acquaintance with its inhabitants began in the 17th century, and we received the first direct information about the way of life of the Japanese from the descriptions of those who explored the Far East in the 18th century, as well as from Russian sailors. A particularly invaluable contribution to the question of understanding Japan at the initial stage was made by captain V.M. Golovnin, who was captured by the Japanese. Studying a country means not only focusing on political or economic relations, but also on the psychological perception of the inhabitants of the other country. This level – the level of soft power – is also important for building long-term good neighborly relations, affecting the mentality and the ability to perceive each other in a tolerant way. The purpose of this article is to analyze various sources, both academic and everyday ones, to characterize the image of Japan that has developed in the minds of Russian citizens. To achieve this goal, a phenomenological approach is used in the context of the “perception of the other”. The authors consistently prove the dominance of historical memory in the development of relations, which proceeded according to the type of non-military rivalry and conflict resolution. The logic and structure of the article is a movement from the analysis of relations between the inhabitants of our countries, starting with the notes of navigators of the 19th century, towards the analysis of the dynamics of current relations, and, finally, the discussion of the attitudes and perceptions of Japanese culture by the Russian youth. The authors conclude that the image of Japan in the minds and mentality of Russian citizens is formed according to the agonistic type, which implies the acceptance of the other, and not rejection, as is the case of the “perception of the other” according to the polemos type.

Keywords: Japan, Russia, perception of the other, historical memory, agon, polemos, anime, Zen Buddhism.

Authors:

Smorgunov Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Governance, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2581-2975; E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Ignatjeva Olga A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Governance, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1658-6427; E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Smorgunov L.V., Ignatjeva O.A. (2022). *Vospriyatiye Yaponii v rossiyskom obshchestvennom soznanii* [The perception of Japan in the Russian public consciousness]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2022, 4, 56–74. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

Отношения Японии и России складывались в неоднозначных исторических условиях. Народы общаются, выдвигая наряду с политическими или экономическими требованиями ещё и когнитивно-психологические интерпретации. В политическом и экономическом смыслах были и остаются проблемы, что же касается культуры, то здесь, как представляется, обеими сторонами признаётся большое значение культурных обменов и взаимопознания. Научная англоязычная литература о российско-японских отношениях раскрывает основные особенности исторических связей этих двух стран [Bartlett 2008; Cohen 2010; Bukh 2010; Perabo 2017; Ji-won 2020]. Опубликованы и проинтерпретированы путевые заметки русских, посетивших Японию в конце XVIII – начале XX вв. [Wells 2004; Maggs 2010]. Вместе с тем проблема восприятия русскими японцев остаётся пока недостаточно изученным вопросом. Особенно это значимо в условиях растущего значения новых средств коммуникации, которые создают неизвестные ранее возможности для политической идентификации социальных общностей, по-другому включая в этот процесс историческую память. Следует отметить, что «восприятие другого» является одной из основных тем современной философско-социологической литературы, которую можно эффективно использовать в качестве методологии анализа отдельного случая русско-японского восприятия друг друга. Эта методология уже нашла выражение и в исследовании истории взаимоотношений Японии и России [Smorgunov 2008; Переславцева 2016; Чугров 2016; Любимова 2020].

Следует сказать, что при наличии большого списка современной литературы в России по истории и нынешнему состоянию российско-японских отношений, результатов исследования российских представлений о Японии относительно немного. Среди имеющейся литературы выделяются фундаментальные труды и обобщающие работы по истории и современному состоянию российско-японских отношений, включающие в себя интерпретации когнитивно-психологических взаимных установок [Молодяков 1996; Штейнер 2006; Саркисов 2015; Торкунов, Иокибэ 2015; Козлов 2016; Алпатов 2017; Стрельцов 2022], работы по российской и японской идентичности в различные периоды русско-японских отношений, начиная с XIX в., где содержится материал о взаимных представлениях [Саркисов 2016; Стрельцов 2016; Чугров 2016]. Интересны работы по лингвистическому анализу восприятия культуры и общества Японии россиянами. Так, в исследовании Поповой Е.А. и Казанцевой В.А. анализируются три группы лингвистических маркеров, определяющих Японию как экзотическую культуру, страну с высоким уровнем технологического развития и субъекта международных отношений, представляющего некоторую опасность для России [Попова, Казанцева 2017, 2020]. В ряде работ, написанных на основе социологических данных, анализируется образ Японии со значительным компонентом восприятия её как экзотической страны, когда даже её промышленный прогресс в послевоенный период подводится под оценку «футуристичности» [Любимова 2020]; в других работах, описывающих мнение жителей российского Дальнего Востока, подчёркивается противоречивое сочетание суждений с выделением потребности интенсификации взаимодействий с этой страной [Ларин, Ларина 2020; Ларин, Ларина 2022]; социологический анализ мнений студентов двух стран о взаимном восприятии продемонстрировал, что российские студенты меньше идеологизированы относительно восприятия японцев, среди них в начале второго десятилетия XXI в. доминировали нейтральные взгляды на Японию [Жилина 2013].

В данной статье образы страны рассматриваются под углом зрения разных стратегий российской интерпретации Японии. Метафизика присутствия человека в мире и его жизни в нём предполагает ответ на вопрос о том, как связаны конструирование образа с исторической традицией интерпретации и взаимного позиционирования двух стран. В связи с этим наше понимание идентификационных практик сегодня не может ограничиться одной стратегией интерпретации взаимодействий и, соответственно, восприятий образов политики. На наш взгляд, здесь присутствует целый комплекс стратегий, избираемых участвующими во взаимодействии акторами в зависимости от политической онтологии исторических отношений, находящих радикальное выражение в ситуациях противостояния. Представляется, что доминирующей стратегией восприятия Японии в российском сознании служит историческая память выстраивания отношений по типу соперничества и разрешаемого конфликта при взаимных претензиях, т.е. отношения *agon*, а не военного взаимодействия, направленного на уничтожение врага – *polemos*. Как справедливо пишут редакторы фундаментальной работы по параллельной истории двух стран, «с момента зарождения контактов народы России и Японии относились друг к другу в целом доброжелательно, испытывая взаимную культурную тягу» [Торкунов, Иокибэ 2015, с. 4]. Конечно, эти стратегии присутствуют в истории в смешанном составе, но всё же онтологически российское отношение к японскому обществу, культуре и народу характеризуется пониманием их специфики, уважением особенных черт и настроением на конструктивное взаиморасположение. Об этом говорит история и современное состояние отношений. Для описания последнего в работе использованы данные социологических опросов, проведённых российским Фондом общественного мнения в последние два десятилетия.

Agon vs polemos в российском восприятии Японии

Российское восприятие Японии, несмотря на исторические коллизии реальных политических отношений, тяготело к тому, что эта страна всегда оставалась в позитивном спектре базовых оценок и ощущений. Даже «плохие» исторические периоды сосуществования не могли перебить общей конструктивной картины, которую рисовало себе российское сознание относительно природы, культуры, жизни, человека Страны восходящего солнца. Российское понимание Японии учитывало взаимную политику, территориальные проблемы, коалиционные соглашения Японии с другими странами, но никогда не рассматривало эту страну в категориях *polemos*¹, т.е. борьбы на уничтожение или порабощение врага. Скорее в российском отношении присутствовало обострённое чувство соперничества, конкуренции и спора (на Дальнем Востоке, в АТР, в глобальном мире), взаимодействие между которыми составляют экзистенциальную потребность сосуществования. В этом смысле *agon*², т.е. соревнование с равным, описывает характерную черту российского восприятия Японии. Можно предположить, что многие стереотипы в

¹ В древнегреческой мифологии *Polemos* – это бог войны. Гераклит говорил о нём в метафорическом смысле как источнике всего. Впоследствии этот термин сыграл большую роль в обосновании политического как войны друзей против врагов у Карла Шмитта и Мартина Хайдеггера.

² *Agon* – в древней Греции борьба или состязание, в частности на Олимпийских играх. В политической философии термин часто используется как противоположность войне, или *polemos*.

восприятию японских политиков явились результатом первых посещений Японии русскими, стремящимися, с одной стороны, наладить взаимовыгодные связи, а с другой, расширяющими свои претензии на участие в политике соответствующего региона. Имеется много русских свидетельств о Японии XVIII–XIX вв. [Черевко 1999; Гришачев 2015], но особое место в этих описаниях отводится «Запискам» капитана-лейтенанта Василия Михайловича Головнина о его приключениях в плену у японцев, опубликованных впервые в 1816 г.

Василий Головнин, проведший два года в плену в Японии в начале XIX в. (1811–1813 гг.), не мог не попасть под обаяние этой страны. Если вначале он отмечал подозрительность и явную враждебность отношений, то впоследствии не мог не заметить, что японцы умны и проницательны, честны и сострадательны, владеют грамотой, имеют миролюбивое правление и мудрые законы [Записки флота...]. Хотя коллизия пленения российских офицеров и моряков японцами в это время была связана с обоснованно возникшим подозрением с их стороны, в описаниях страны присутствует попытка понять всё её своеобразие и возможные тенденции развития, которые бы благоприятствовали открытым отношениям. В связи с этим важными представляются заключительные замечания В.М. Головнина к своим воспоминаниям: «Книга дойдет до них... Найдя, что мы объявляем в свет со всею искренностью деяния и способы, употребленные нами к примирению, японцы уверятся совершенно в чистосердечии, с каковым предлагали мы им свою дружбу, и желали иметь с ними связь, а сие может служить к немалой пользе государства» [Козлов 2016, с. 15].

Особую роль играют события, имеющие отношение к оформлению русско-японских отношений во время посещения Японии делегацией адмирала Евфимия Васильевича Путятина в 1853 г. в Нагасаки в ходе его путешествия в 1852–1855 гг. Первые впечатления, как принято считать, являются самыми верными и устойчивыми и влияют на последующий процесс формирования и интерпретации образов. Подобные впечатления можно обнаружить во многих исторических свидетельствах, оставленных членами делегации Путятина. Известный русский писатель Иван Александрович Гончаров, который был секретарём Путятина, описал всё путешествие в книге «Фрегат “Паллада”». Однако в отношении первых впечатлений интересны суждения Александра Федоровича Можайского – морского офицера и художника, который оставил ряд зарисовок японцев той поры и сделал к одному из них подробный комментарий. Речь идёт об описании группового портрета японских представителей на переговорах. Можайский был непосредственным свидетелем переговоров, которые вёл Путятин и которые привели, в конце концов, к подписанию Симодского трактата (1855) – первого официального договора между Россией и Японией. Во время переговоров он сделал набросок группового портрета японской делегации, а потом, вернувшись из Японии к месту дальнейшей службы в Гельсингфорсе, доделал этот рисунок, подписал имена японских дипломатов и снабдил своим комментарием [А.М. 1857, с. 1–2]. В этой небольшой зарисовке, как представляется, содержатся основные стратегии восприятия и интерпретации японцев, которые были и остаются свойственными русским. Во-первых, ясно, что японские чиновники рассматриваются в перспективе другой культуры и истории. У них есть свои обычаи, своя манера одеваться, свои особенности вести переговоры и своя структура делегации. Все эти «халаты», «шаровары», «шарфы» подчёркивают «чужескость» и «странность». Различия заставляют русских понять, что они «другие» по отношению к японской культуре. Во-вторых, в описании есть то, что, по мысли

рассказчика, сближает членов делегации с русскими, более того, делает их представителями общечеловеческой культуры. Мы видим членов делегации «умными», «любезными», «благовоспитанными», их деятельность «деловой», они «добры» и «почтенны». Эти характеристики подчёркивают возможность контакта и обсуждения трудных вопросов повестки дня переговоров. Особо следует отметить стремление к пространственной симметрии на переговорах («не успев в своём намерении убедить адмирала подчиниться их обычаю, уполномоченные устроили себе скамейки, равной высоты со стульями, которые были привозимы для нас с фрегата»). Отношение симметрии заставляет понимать присутствующих как равных и взаимозависимых, здесь нет удаления на некоторую «недоступность» и «самостоятельность». В-третьих, в описании много определений, которые заставляют рассматривать происходящее как спектакль. Здесь все выполняют определённые роли («сановник», «шпион», «переводчик», «грамматик») и скрыты под разнообразными масками, которые говорят лишь о функции, но никак не характеризуют самих актёров. Те же самые «халаты», «шаровары», «шарфы», а здесь ещё и «сабли», отделены от культуры и представляют собой атрибуты сцены, элементы декорации. Все маски подчинены формирующемуся событию под названием «переговоры».

Известны воинственные настроения русских и их горестные переживания в ходе и после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Можно сказать, что в русском культурном сознании в этот период впервые появился стереотип отношения к Японии как к «вражеской стране» [Попова, Казанцева 2020, с. 42–45]. Но и здесь восприятие Японии в целом перебивается известными противоречивыми мнениями и равными оценками. Интерес к японской культуре в конце 19-го – начале 20-го в. в российском обществе сочетался с критическим военно-политическим настроением. Как справедливо отмечала Розамунд Бартлетт, «ни одна другая страна в мире никогда не находилась в состоянии одновременно войны с Японией и в культурном плену у неё: это была уникальная ситуация. Неудивительно поэтому, что реакция на войну была разнообразной и противоречивой» [Bartlett 2008, p. 9]. Не только дипломатия, но и отношение к Японии проявляется в словах императора Николая II при приёме им нового посланника этой страны в 1906 г.: «Я узнал из доклада Нелидова (заместитель министра иностранных дел), что Ваше превосходительство глубоко симпатизирует нашей стране, и весьма рад тому, что Вы назначены к нам. Во время войны мы воевали друг с другом как честные и благородные противники (*комэй сэйдаи*), и я хотел бы, чтобы и теперь мы стали друг для друга честными и истинными товарищами. Это было бы большим счастьем и для Японии, и для России» (цит. по [Саркисов 2016, с. 307]). Знаменательный факт, но после войны именно японское правительство начало активную программу строительства мемориалов в Маньчжурии, чтобы показать свою добрую волю бывшему врагу, заявить о своей роли опекуна в регионе и продемонстрировать свою ценность как великой державы. Рядом с Порт-Артуром были сооружены памятники победителям, японцы построили первый крупный памятник павшим русским, храмам-авзолей, ставший местом последнего упокоения защитников форта. В этом факте проявляется не только японское великодержавие, но и признание России как партнёра, а не непримиримого врага. «На церемонии открытия в июне 1908 года военные чиновники обеих стран праздновали вместе в атмосфере взаимного уважения и восхищения. Генерал Гернгрос возглавил “ура” от русских войск в честь японского императора и его “отличной” армии, а генерал Ноги и японские солдаты кричали “банзай” русскому

императору и его “храбрым” солдатам» [Cohen 2010, p. 394]. Конечно, японский национализм этого периода и русское национальное самосознание находились в диссонансе, но уже через десять лет настроения изменяются для публики в целом. Во время Первой мировой войны Япония выстроила союз с Россией на Дальнем Востоке, помогая ей материально, что вызывало также создание положительных и одобрительных впечатлений.

Участие Японии на стороне белой армии в гражданской войне, Антикоминтерновский пакт 1935 г., её милитаризация в 1930-е – 1940-е гг. и известные события Второй мировой войны, сопровождавшиеся её разгромом в августе–сентябре 1945 г. при участии СССР сформировали официальную отрицательную пропаганду, направленную против Японии, что не могло не сказаться на общественных настроениях того периода. Япония в целом воспринималась как противник Советского Союза, идущий на сделку с внутренним и международным империализмом. Ситуация начинает изменяться в 1960-х гг. Линда Гальван со ссылкой на работу японского исследователя Мидзобути Соноко пишет, что «отношение к Японии как к врагу в советское время тоже не было однозначным – неприязнь к Японии сочеталась с “состраданием и дружелюбием” к азиатским народам в целом» [Galvane 2010, p. 69]. Понимание зависимости японской внешней политики вместе с общей виктимизацией [Стрельцов 2016, с. 337–352] оценок понесённых тяжёлых трат во Второй мировой войне, делало восприятие Японии понятным и принятым. Как справедливо отмечал Д.В. Стрельцов, «что касается Советского Союза, то, по понятным причинам, гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было уже эпизодом не Великой Отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками» [Стрельцов 2016, с. 340]. Книга журналиста-международника В.В. Овчинникова «Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы», изданная в 1971 г. в Советском Союзе тиражом в 65 тыс. экземпляров была выражением искренней симпатии к японскому народу. До этого отдельные главы из книги публиковались в весьма влиятельном литературном журнале «Новый мир» и вызвали восхищение читающей публики. Всеволод Овчинников писал: «Об этом соседнем народе наша страна с начала нынешнего века знала больше плохого, чем хорошего. Тому были свои причины. Да и то плохое, что мы привыкли слышать о японцах, в целом соответствует действительности и нуждается скорее в объяснении, чем в опровержении. Однако если отрицательные черты японской натуры известны нам процентов на девяносто, то положительные лишь процентов на десять» [Овчинников 1971, с. 216].

1990-е гг. привнесли нечто новое в распределение реакций российских граждан на Японию. Крушение советской идеологии привело к ослаблению критической политической волны и к более интенсивному многостороннему взаимодействию с Японией. Происходит перестройка политических отношений, расширяется спектр культурных взаимодействий, большое количество российских и японских городов устанавливают побратимские связи (побратимские связи берут своё начало в 1961 г.; к настоящему времени 41 город или область в России имели побратимские связи с Японией). Налаживается интенсивный процесс взаимодействия между руководством двух стран. Общая политика этого периода не изменяется и в первые десятилетия нового века, демонстрирующие новые возникающие сложности и элементы восприятия Японии в общественном сознании.

Динамика общественного мнения о Японии в первые два десятилетия 21 века

Восприятие другой страны в обозримой исторической перспективе формируется в основном под влиянием происходящих флуктуаций в системе международных отношений, охватывающих эти две страны. Следует, конечно, различать некоторые базовые стереотипы, которые остаются более-менее устойчивыми в силу закрепления в сознании оценок и интерпретаций более глубинных оснований понимания истории и культуры стран, и более подвижное общественное мнение, которое подвержено изменению под влиянием высказываний политиков и средств массовой информации. Последнее как раз и возникает как отзыв на текущую политику, колеблясь в зависимости от конкретных политических шагов в межстрановых отношениях. В первые десятилетия 21 в. отношения России и Японии были лишены устойчивости, о чём свидетельствуют результаты опросов населения. Во-первых, несмотря на изменение идеологической базы российской политики в отношении Японии, для японского общества нерешённой оставалась территориальная проблема и заключение договора о мире, что с определённой периодичностью создавало напряжения и конфликты. Во-вторых, Япония, как и прежде оказывалась втянутой в ту политику, которую проводили западные государства в отношении России. Ясно, что это не могло не оказывать влияния на восприятие россиянами Японии. 24–25 ноября 2018 г. Фондом общественного мнения (ФОМ) был проведён очередной социологический опрос, позволяющий измерить отношение россиян к нашему дальневосточному соседу – Японии [Россияне делятся...]. В опросе приняли участие 1500 респондентов из 53 субъектов Российской Федерации. В контексте вопроса «В настоящее время между Россией и Японией сложились в целом хорошие или плохие отношения?» это был очередной замер, так как на протяжении 18 лет проводились периодические опросы, фиксирующие изменения отношений между соседними странами.

На рис. 1 можно проследить тренд, указывающий на ухудшение отношений между Японией и Россией с 2000 г. по 2011 г. Однако с 2011 г. по 2018 г. отношения стали резко улучшаться. Напряжённость в отношениях и их ухудшение можно охарактеризовать существованием территориального спора между двумя странами и жёсткой политикой восточного соседа в стремлении урегулировать данный вопрос. С приходом в 2012 г. к власти премьер-министра Абэ Синдзо ситуация стала меняться. Новый премьер пошёл на сближение с Россией, пытаясь путём укрепления экономических связей и налаживания тёплых и доверительных отношений с президентом России В.В. Путиным наконец-то разрешить в пользу Японии старый территориальный спор. Следует отметить, что в мае 2016 г. С. Абэ была заявлена новая экономическая политика в отношении России из восьми пунктов, которая отличалась от предыдущей политики, ориентированной на использование потенциала России как поставщика сырья и энергии, к более диверсифицированной и индустриально ориентированной стратегии [Панов 2016, с. 37–38]. К тому же она предполагала развитие экономических отношений как базы для заключения мирного договора и решения спорных территориальных вопросов. В 2018 г. премьер-министр С. Абэ и президент В.В. Путин приняли решение объявить перекрёстным годом Японии и России с целью стимулирования обменов между двумя странами в сферах культуры, искусства, бизнеса, науки, образования и др. В рамках года планировалось провести более 400

мероприятий. Все это не могло не сказаться на общественном мнении в России. Япония присоединилась к антироссийским санкциям после 2014 г. и после 24 февраля 2022 г. Однако можно согласиться с Ю.В. Латовым, что, «хотя антироссийские санкции осуществляют абсолютно все развитые страны, общественное сознание определённо не включает Японию в число “плохих” стран» [Латов 2017, с. 117].

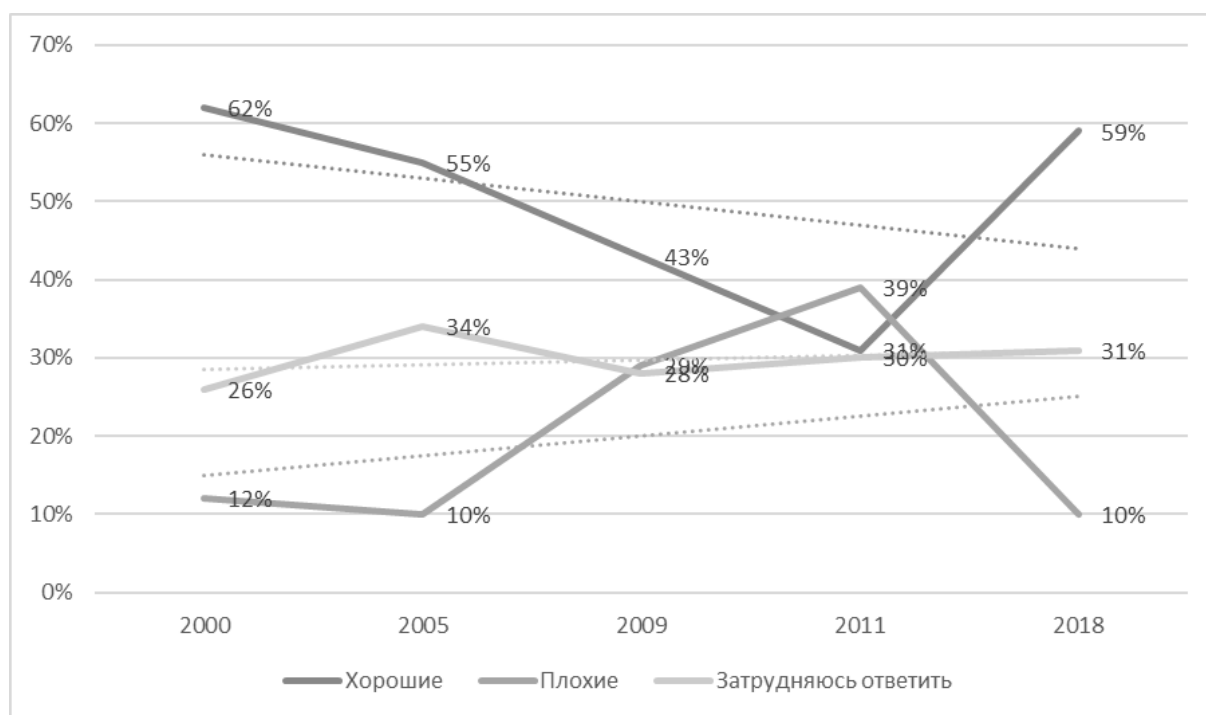

Рис. 1. Динамика российско-японских отношений с 2000 по 2018 г.

Источник: ФОМ, Россия. <https://fom.ru/Mir/14158>

Существует определённая цикличность в динамике российско-японских отношений: периоды затишья сменяются периодами резких сдвигов. В данном случае резкие структурные сдвиги приходятся на период 2005–2009 гг. и на период 2011–2018 гг. При этом резкий сдвиг в отрицательных отношениях приходится на период 2005–2009 гг., а заметный сдвиг в улучшении отношений приходится на 2011–2018 гг. И если последний положительный структурный сдвиг можно объяснить реализацией целенаправленных усилий правительства и премьер-министра Японии Абэ Синдзо на формирование добрососедских отношений с Россией, то период с 2005 по 2009 г. характеризуется частой сменой власти в Японии: Коидзуми Дзюнъитиро (2001–2005), Абэ Синдзо (2006–2007), Фукуда Ясуо (2007–2008), Асо Таро (2008–2009), а также более неравномерной политикой в отношениях с Россией. Как подчеркивает О.Г. Парамонов, в «период между первым и вторым кабинетами С. Абэ японская внешняя политика имела ситуативный, реактивный характер не только на российском направлении, но и в целом» [Парамонов 2021, с. 122]. Следовательно, можно сделать вывод, что вопрос нормализации российско-японских отношений в данный период не занимал особого внимания политиков и проводился по давно сложившемуся стереотипу. И после отставки Абэ в 2020 г. она продолжила свой курс.

Интересно распределение общественного мнения о российско-японских отношениях в региональном разрезе. Понятно, что это региональное распределение зависит от близости к Дальнему Востоку и Японии, от уровня экономического и культурного взаимодействия с этой страной, от исторических связей, зафиксированных публичной памятью.

На рис. 2 представлены ответы на вопрос «Как вы считаете, Япония – это дружественное или недружественное по отношению к России государство?». В среднем 45–50 % населения из шести регионов считают Японию дружественной страной. Чуть больший процент (58 %) респондентов ответил на этот вопрос положительно Южном федеральном округе. Самая большая доля респондентов (65 %) пришла на Дальневосточный федеральный округ. Высокое значение показателя на Дальнем Востоке связано с активной политикой Японии в данном регионе по продвижению культуры своей страны как на уровне финансовой поддержки Японским фондом, так и активным участием консульств в различных мероприятиях, а также близостью Японии к данному региону, что делает возможным поездки в данную страну не только на уровне туристических путешествий, но и по рабочим визам. В этом регионе Япония занимает третье место среди стран по объёму экспорта и второе по объёму импорта.

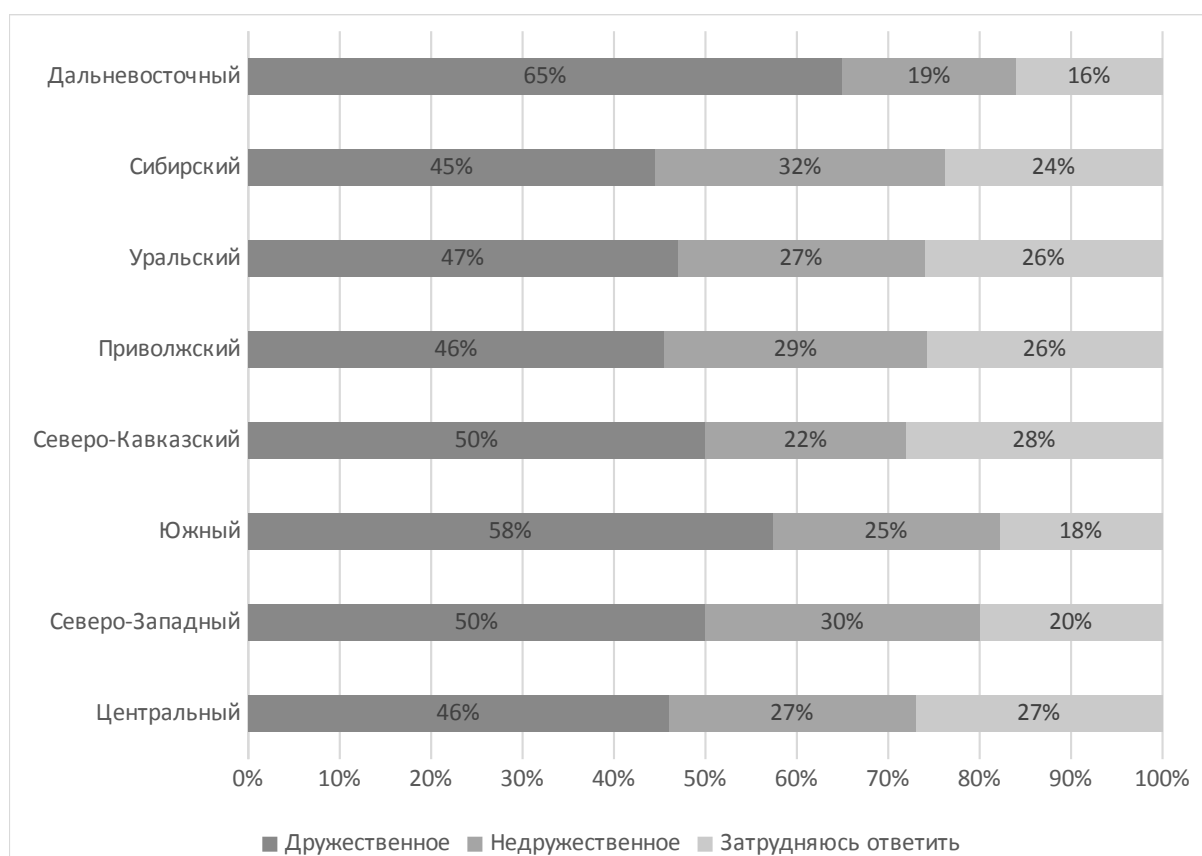

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Как вы считаете, Япония – это дружественное или недружественное по отношению к России государство?»

На рис. 3 отражены результаты ответов на вопрос «Если говорить в целом, как вы считаете, для России партнёрские отношения с Японией важны или не важны?». Очевидно, что подавляющее число россиян полагают, что для России важны партнёрские отношения с Японией. Наибольший процент утвердительных ответов дали жители Центрального и

Северо-Западного федеральных округов (85 %), далее идут жители Дальневосточного федерального округа (84 %), затем Сибирского федерального округа (83 %). Чуть меньший процент показали жители Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов – 79 % опрошенных ответили положительно. Таким образом, можно сделать вывод, что жители России не только готовы, но и приветствуют сотрудничество со своим тихоокеанским соседом.

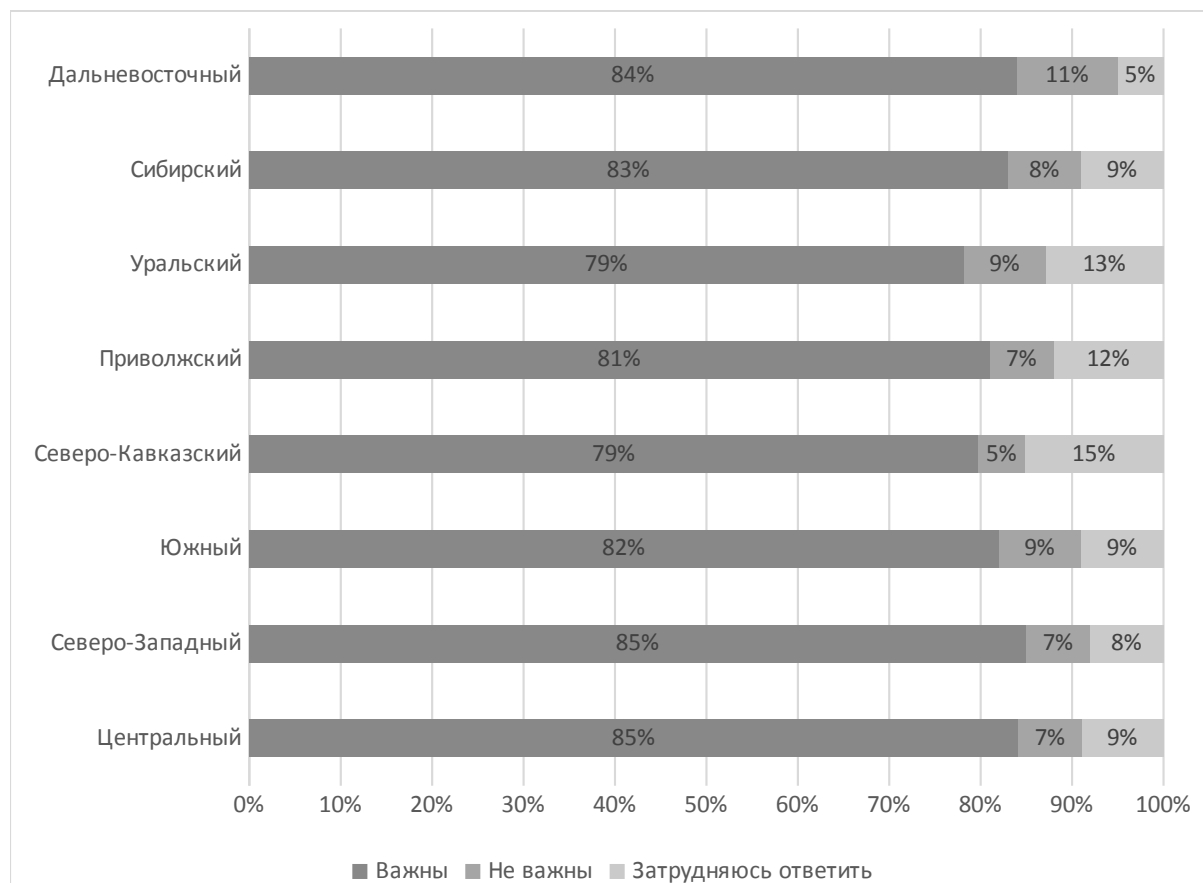

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос: «Если говорить в целом, как вы считаете, для России партнёрские отношения с Японией важны или не важны?»

На рис. 4 отражены представления русских о готовности Японии сотрудничать с Россией, что является немаловажным в выстраивании добрососедских отношений и свидетельствует о положительном образе Японии в сознании большинства россиян. Так жители Дальнего Востока в 86 % случаев полагают, что японцы готовы к сотрудничеству с Россией и стремятся к этому. Жители Южного федерального округа полагают, что Японии нуждается в сотрудничестве с Россией в 81 % случаев. Представители Сибирского и Северо-Кавказского регионов считают так в 79 % случаев. Наименьший процент готовности к сотрудничеству Японии в представлении российских граждан показали жители Северо-Западного и Центрального регионов – 74 % и 77 % соответственно. Чуть более низкие показатели по северо-западу и центру России связаны с удалённостью данных регионов от Японии и ориентацией экономических связей до недавнего времени на страны Западной Европы и США.

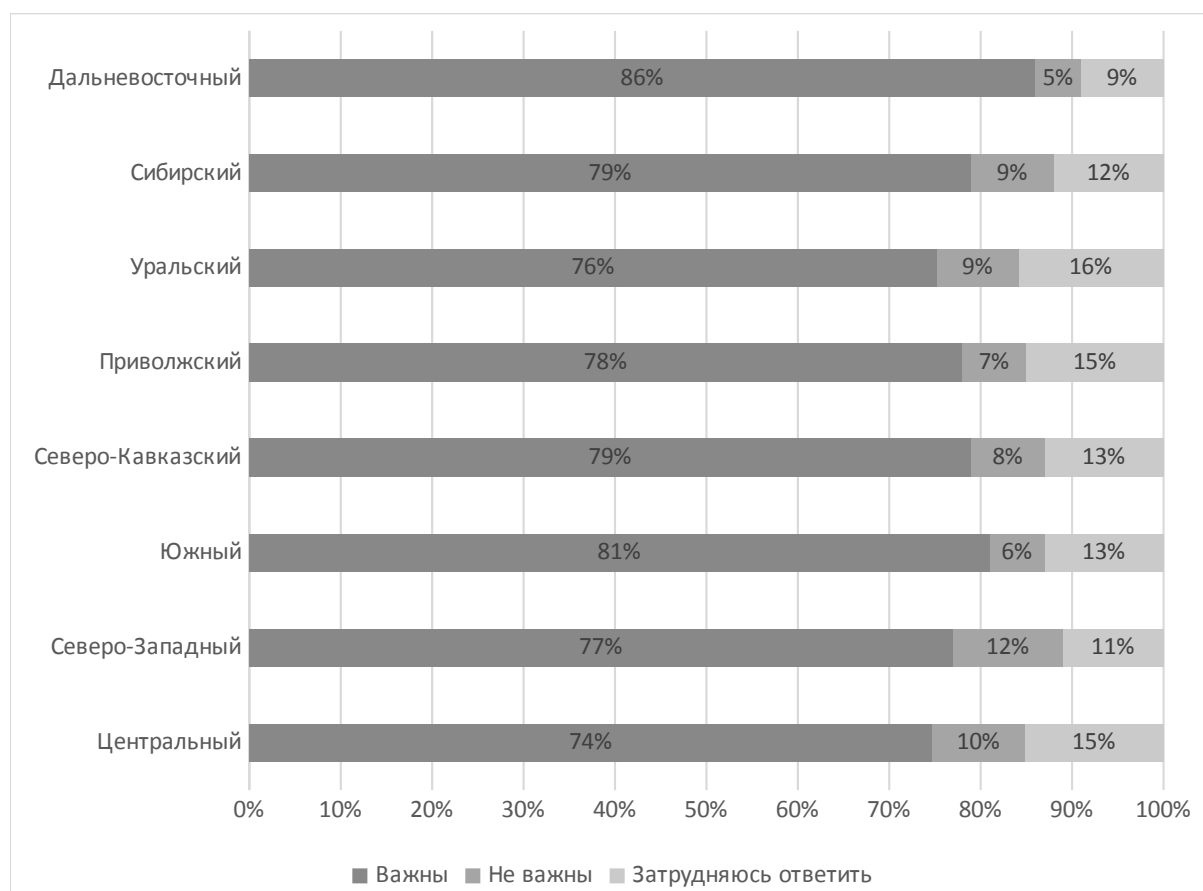

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос: «Как вы думаете, а для Японии партнёрские отношения с Россией важны или не важны?»

Молодёжная субкультура Японии в России

Япония остаётся притягательным магнитом как для западных стран, так и для России. Её экзотический образ цветущей, технологически и экономически развитой страны, хранящей свои традиции и умело транслирующей их из поколения в поколение при помощи увлекательных сюжетов манги и аниме, не оставляет равнодушными многих жителей планеты. Цифровое поколение, зумеры, вступающие во взрослую и самостоятельную жизнь, в этом смысле не исключение. Как и их родители, они тоже попадают под скромное обаяние японской культуры. Долгое время с момента окончания Второй мировой войны отношения между Японией и Россией строились, исходя из литературных образов и стереотипов. При этом позитивными в этих отношениях были вопросы культуры, а негативными – вопросы политики. За это время «Россия и Япония приобрели поистине уникальный опыт построения взаимных образов при почти полном отсутствии политической реальности» [Куланов, Стоногина 2003].

Согласно опросу Фонда общественного мнения (08–09.02.2014), проведённому в 43 субъектах Российской Федерации на выборке из 1500 респондентов, в целом удельный вес поклонников аниме среди зрителей других мультипликационных жанров небольшой и в основном это молодёжь до 30 лет (6 % постоянных зрителей аниме в этом возрасте; см. рис. 5).

Рис. 5. Привлекательность жанров мультфильмов в РФ

Источник: ФОМ. Соцопрос «О мультфильмах» (2014).

Отаку – это сплочённые ряды увлечённой молодёжи, которые общаются как в Интернете в специально созданных группах социальных сетей ВКонтакте и Фейсбуке³ (в российском сегменте), так и встречаются вживую на косплейных фестивалях и аниме-ивентах.

Таблица. 1. Группы российских аниме-отаку ВКонтакте и в Фейсбуке

ВКонтакте	Количество участников	Фейсбук	Количество участников
Anime Channel	527918	Аниме арти	2800
AlexandriA	234365	Аниме. Русскоязычное сообщество	3800
Аниме	1642866	Дорамы Аниме Турецкие сериалы	6500
Картинки из аниме	144068	Аниме	24000
Аниме обои Antiterror	104073	^.^Аниме^^	16000
Хентай, аниме	104300	Аниме это наша жизнь	1200

³ 4 марта 2022 г. принято решение о блокировке доступа к сети Facebook на территории Российской Федерации. <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm>

Субкультура аниме возникла в Японии после того, как японская киноиндустрия стала массово выпускать в середине XX в. японские мультипликационные фильмы – аниме. Идейное ядро такого жанра – это «травма модернизации», которая выражена в каком-то знаковом событии (экологическая катастрофа, Вторая мировая война, взросление). Преодоление этого события через самопознание и самоосвобождение – суть каждого сериала аниме, что, конечно, привлекает многочисленных поклонников.

В 1990-е гг. японские мультипликационные сериалы аниме стали транслировать и в России. Очень быстро сформировались фандомные движения в разных регионах страны, которые развивались самостоятельно и зачастую независимо друг от друга [Воробьева 2021, с. 1–24]. В целом данная культура является безобидной и относится к более широкому молодёжному движению – гиков, отличающемуся от брутальных субкультур: футбольных фанатов (околофутбола), скинхедов, АУЕ. Данное увлечение предполагает формирование сообществ, совместное времяпровождение как в сети, так и в реальности с общением на темы из сюжетов полюбившихся аниме, косплеи. «Куда сложнее и проблематичнее дело обстоит с другой, менее многочисленной категорией *анимэшников*, а вернее, *отаку* – экстремальными фанатами этой субкультуры, для которых анимэ, манга, компьютерные игры – это цель, причем главная цель в жизни, вся её суть. Они обитают в своих параллельных мирах вне времени, пространства и связи с окружающей действительностью и в этой своей одержимости во многом напоминают своих японских единомышленников» [Катасонова 2010, с. 52]. В целом субкультура аниме охватывает все регионы России, но чем регион ближе к Японии, тем больше количество фанатов.

Ещё одно культурное влияние, которое испытывают жители Российской Федерации, и особенно самая активная её часть – молодёжь, – это распространение практик дзен-буддизма, пришедшего к нам из Японии, но через страны англосаксонского мира. Дзен-буддизм появился в Японии в XII в. на основе китайского чань-буддизма, который возник в Китае как направление религиозных и телесных практик в V–VI вв. и достиг там расцвета в VIII в. Это была практика усмирения плоти и выживания в экстремальных условиях. Постепенно с усилением влияния данной религиозной школы китайские власти поставили её под запрет, и учение «чань» перешло в соседнюю Японию, где долгое время было не востребовано. И только в Средние века, в эпоху катаклизмов, оно стало популярным и в Японии, особенно для военного сословия – самураев, ибо дзен (чань) «учил, как не бояться смерти, как всегда быть готовым, как выжить в жизни, плохо приспособленной для жизни» [Штейнер 2006]. Суть данного учения заключается в особой онтологии жизни, но часто не совсем правомерно сводится к телесным практикам, предполагающим особую физическую подготовку (сидение в позе лотоса), отрешение от мирских забот путем разного рода аффирмаций.

Сначала дзен-буддизм проник на Запад, особенно став популярным после Второй мировой войны, что связано с размещением американских оккупационных войск в Японии и потерей ориентиров у западной молодёжи как результата послевоенного шока. В 1960-е гг. данное учение пришло и в Советский Союз [Александрова 2021, с. 97–101], заразив декадентствующую советскую интеллигенцию, желавшую быть «в стороне от совка, в пространстве собственном, виртуальном, эстетизированном» [Александрова 2021, с. 97]. Новый всплеск интереса к учению и практикам дзен начался в 1990-е гг., когда он фактически стал влиятельным течением в масс-культуре как способе ухода от тяжелых экономических и политических реалий, вызванных развалом Советского Союза.

Таким образом, хотя многие жители России, в том числе и молодёжь, никогда не бывали в Японии, они воспринимают эту страну через систему образов, семиотических знаков, транслируемых массовой культурой при помощи Интернета, СМИ, телевидения, а также на основе личных контактов с теми, кто когда-то посещал эту страну и общался с её жителями. Восприятие Японии в России окутано ореолом экзотики и обладает притягательной силой из-за её инаковости, неопознанности, удалённости. 64 % среди молодёжи 18–30 лет по данным ФОМ 2018 г. положительно оценивают российско-японские отношения.

Заключение

Существенной чертой восприятия образов другой страны в аспекте проблемы взаимных отношений является, как правило, *оппозиционность*. Под оппозиционностью восприятия образа можно понимать противопоставление возможных описаний образа другого, когда другой воспринимается не просто чужим (остранённым, увиденным), а в сопоставлении со своей культурой (понятым другим). В крайнем выражении оппозиция представляется как победа в борьбе, подобная игре с нулевой суммой, или войне (*polemos*). В этом случае неважно, будем ли мы говорить о внешнем или о внутреннем образе. Следует подчеркнуть, что в этом случае образ формируется путём отталкивания от референта, от той основы, на которой образ должен был бы лежать и которую он должен был бы представлять. Образ становится ничем иным как носителем противоположности, разрыва, отношения «между», разорванности связей. Здесь необходимо присутствует отношение враждебности. Так строятся отношения в парадигмах «цивилизация – варварство», «мы – чужие», «друзья – враги». Второй тип формирующихся отношений базируется на принятии другого, понимании его культуры и способности выстраивать долговременные отношения, хотя и конкурентного плана. Их можно условно называть отношениями *конкурентной взаимности*. Здесь, наверное, удачным будет описание отношений как агонистских (*agonistic*). Как показывает история российско-японских отношений, начиная с первых шагов знакомства в XVII–XVIII вв., доминирующей стратегией взаимного восприятия здесь был второй тип отношений. XIX в. рисует в этом отношении благоприятную картину. Восприятие Японии после войны 1904–1905 гг. и Второй мировой войны 1939–1945 гг. в российском общественном сознании «сползло» с линии противопоставления и враждебности к пониманию и выстраиванию взаимности. Реальная политика, конечно, влияла на динамику взаимного восприятия, о чём свидетельствуют данные последних десятилетий. Общественное мнение адекватно отвечало на проблемные конфликты, однако всегда оставалось пространство для понимания. Даже молодёжь, испытывая притягательную силу японской экзотики, понимает её как дополнительный шаг к конструктивному взаимодействию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- А[лександр] М[ожайский]. Япония и японцы // Российский художественный листок. 1857. № 14. С. 1–2.
- Александрова О.А. Проникновение дзэн-буддизма в пространство отечественной культуры и философии // Образные ресурсы и технологии. 2021. Том 37. № 4. С. 97–101. DOI: 10.21777/2500-2112-2021-4-97-101

- Аллатов В.М. Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языкознания. Москва: Языки славянской культуры. 2017.
- Воробьева Е.С. Субкультура аниме в современном российском социокультурном пространстве / Автореферат на соискание уч. степени кандидата наук. 2021. С. 1–24.
- Гришачев С.В. (ред.). История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века. Москва: Аспект Пресс. 2015.
- Жилина Л.В. Япония и Россия: пути формирования общественного мнения о странах-соседах // Ежегодник Япония. 2013. Т. 42. С. 135–153.
- Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. Москва: Захаров. 2004.
- Катасонова Е.Л. Отаку: за и против. Новая генерация людей компьютерной эпохи // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12. С. 52–58.
- Козлов С. Русские открывают Японию: из рукописного наследия мореплавателей В. М. Головнина и А. И. Хлебникова 1810-1820-е гг. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 2016.
- Куланов А., Стоногина Ю. Образ и реальность: Япония и Россия глазами друг друга. 15.07.2003. <https://polit.ru/article/2003/07/15/621297/> (дата обращения: 09.07.2022).
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4 (110). С. 15–45.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Современный взгляд на Японию из Владивостока (по результатам опроса 2021 года) // Японские исследования. 2022. № 1. С. 95–114. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114
- Латов Ю.В. Антизападничество во внешнеполитическом менталитете современных россиян (по данным социологических опросов) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 4 (20). С. 108–123. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5522
- Любимова Н.С. Образ Японии в России – старые элементы в новом оформлении // Вестник антропологии. 2020. № 3 (51). С. 153–167. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-51-3/153-167
- Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. Москва: Институт востоковедения РАН. 1996.
- Овчинников В.В. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. Москва: Молодая гвардия. 1971.
- Панов А.Н. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Ежегодник Япония. 2016. С. 7–42.
- Парамонов О.Г. Российско-японские отношения на рубеже веков: закономерности, маршруты, лидеры // Международная аналитика. 2021. Т. 12 (2). С. 107–129. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-107-129>
- Переславцева Р.С. Образ «другого» в произведениях о русско-японской войне 1904–1905 годов // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 94. С. 59–62.
- Попова Е.А., Казанцева В.А. Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 42–45.
- Попова Е.А., Казанцева В.А. Япония и японцы в зеркале русской фразеологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 58–60.
- Россияне делятся своими представлениями о Японии и отношениями между нашими странами. ФОМ. 16.01.2019. <https://fom.ru/Mir/14158> (дата обращения: 6.07.2022).
- Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М.: Олма Медиа Групп. 2015.
- Саркисов К.О. Сравнительный анализ идентичностей России и Японии (1905–1917 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. С. 298–309.
- Стрельцов Д.В. (ред.). Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами. Москва: Изд. Аспект Пресс. 2022.

- Стрельцов Д.В. Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Ежегодник Япония. 2016, С. 337–352.
- Торкунов А.В., Иокибэ М. (ред). Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография. Москва: МГИМО-Университет. 2015.
- Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. Москва: Наука. 1999.
- Чугров С.В. Идентичности России и Японии в постбиполярный период (1991–2015 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. С. 353–375.
- Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России. Рабочая тетрадь 33/2016; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: Спецкнига. 2016.
- Штейнер Е.С. Без Фудзиямы: японские образы и воображения. Москва: Наталис. 2006.
- Штейнер Е.С. Япония и «японщина» в России и на Западе. 18.01.2006. <https://polit.ru/article/2006/01/18/schteiner/> (дата обращения: 09.07.2022).

REFERENCES

- Aleksandrova, O.A. (2021). Proniknovenie dzen-buddizma v prostranstvo otechestvennoi kul'tury i filosofii [The Penetration of Zen Buddhism Into the Space of National Culture and Philosophy]. *Obraznye resursy i tekhnologii*, 37 (4), 97–101. <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2021-4-97-101> (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2017). *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniya* [Japanese Studies. Theory of Language. Sociolinguistics. History of Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
- Cherevko K.E. (1999). *Zarozhdenie russko-yaponskikh otnoshenii XVII–XIX veka* [The Origin of Russian-Japanese Relations in the 17th – 19th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Chugrov, S.V. (2016). Identichnosti Rossii i Yaponii v postbipolyarnyi period (1991–2015 gg.) [Russian and Japanese Identities in the Post-Bipolar Period (1991–2015)]. *Yearbook Japan*, 353–375. (In Russian).
- Chugrov S.V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii. Rabochaya tetrad' 33/2016* [The image of Russia in Japan and the image of Japan in Russia. Working Paper 33/2016]. Russian International Affairs Council. Moscow: Spetskniga. (In Russian).
- Grishachev, S.V. (Ed.). (2015). *Istoriya rossiisko-yaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka* [History of Russian-Japanese relations: 18th – early 21st century]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Katasonova, E.L. (2010). Otaku: za i protiv. Novaya generatsiya lyudei komp'yuternoï epokhi [Otaku: For and Against. A New Generation of People of the Computer Age]. *Aziya i Afrika segodnya*, 12, 52–58. (In Russian).
- Kozlov, S. (2016). *Russkie otkryvayut Yaponiyu: iz rukopisnogo naslediya moreplavatelei V. M. Golovnina i A. I. Khlebnikova 1810-1820-e gg.* [Russians Discover Japan: From the Handwritten Heritage of Navigators V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov, 1810–1820s]. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (In Russian).
- Kulanov, A., Stonogina, Yu. (2003, July 15). *Obraz i real'nost': Yaponiya i Rossiya glazami drug druga* [Image and Reality: Japan and Russia Through Each Other's Eyes]. *Polit.ru*. Retrieved July 9, 2022, from <https://polit.ru/article/2003/07/15/621297/> (In Russian).
- Larin, V.L., Larina, L.L. (2020). Menyayushchiesya obrazy Vostochnoi Azii v soznanii zhitelei tikhookeanskoi Rossii: srezy poslednikh let [Changing Images of East Asia in the Minds of the Inhabitants of Pacific Russia: Data From Recent Years]. *Rossiya i ATR*, 4 (110), 15–45. (In Russian).
- Larin, V.L., Larina, L.L. (2022). Sovremennyi vzglyad na Yaponiyu iz Vladivostoka (po rezul'tatam oprosa 2021 goda) [A Modern View of Japan From Vladivostok (Based on a 2021 Survey)]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 95–114. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2022-1-95-114> (In Russian).
- Latov, Yu.V. (2017). Antizapadnichestvo vo vneshnepoliticheskom mentalitete sovremennykh rossiyan (po dannym sociologicheskikh oprosov) [Anti-Western Sentiment in the Foreign Policy Mentality of

- Modern Russians (According to Opinion Polls)]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, Vol. 5, 4 (20), 108–123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.4.5522> (In Russian).
- Lyubimova, N.S. (2020). Obraz Yaponii v Rossii – starye elementy v novom oformlenii [The Image of Japan in Russia – Old Elements in a New Design]. *Vestnik antropologii*, 51 (3), 153–167. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/153-167> (In Russian).
- Molodyakov, V.E. (1996). «Obraz Yaponii» v Evrope i Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [“The Image of Japan” in Europe and Russia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).
- M[ozhaiskii], A[leksandr]. (1857). Yaponiya i yapontsy [Japan and the Japanese]. *Rossiiskii khudozhestvennyi listok* [Russian Artistic Paper], 14, 1–2. (In Russian).
- Panov, A.N. (2016). Vneshnepoliticheskie priority prem’er-ministra Yaponii Abe Sindzo [Japanese Prime Minister Shinzo Abe’s Foreign Policy Priorities]. *Yearbook Japan*, 7–42. (In Russian).
- Paramonov, O.G. (2021). Rossiisko-yaponskie otnosheniya na rubezhe vekov: zakonomernosti, marshruty, lidery [Russian-Japanese Relations at the Turn of the Century: Patterns, Routes, Leaders]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 12 (2), 107–129. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-107-129> (In Russian).
- Pereslavceva, R.S. (2016). Obraz «drugogo» v proizvedeniyakh o russko-yaponskoi voine 1904–1905 godov [The Image of the “Other” in the Works on the Russo-Japanese War of 1904–1905]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 94, 59–62. (In Russian).
- Popova, E. A., Kazanceva, V. A. (2017). Yaponiya i yapontsy v zerkale russkoi frazeologii [Japan and the Japanese in the Mirror of Russian Phraseology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 4, 58–60. (In Russian).
- Popova, E. A., Kazanceva, V. A. (2020). Rol’ stereotipov v formirovanii obraza Yaponii v russkoi yazykovoi kartine mira [The Role of Stereotypes in Shaping the Image of Japan in the Russian Language Picture of the World]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2, 42–45. (In Russian).
- Rossiiane delyatsya svoimi predstavleniyami o Yaponii i otnosheniyami mezhdru nashimi stranami [Russians Share Their Ideas About Japan and Relations Between Our Countries] (2019, January 16). Retrieved July 6, 2022, from <https://fom.ru/Mir/14158> (In Russian).
- Sarkisov, K.O. (2015). *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnoshenii (1817–1917)* [Russia and Japan. One Hundred Years of Relations (1817–1917)]. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russian).
- Sarkisov, K.O. (2016). Sravnitel’nyi analiz identichnostei Rossii i Yaponii (1905–1917 gg.) [Comparative Analysis of the Identities of Russia and Japan (1905–1917)]. *Yearbook Japan*, 298–309. (In Russian).
- Shteiner, E.S. (2006). *Bez Fudziyamy: yaponskie obrazy i voobrazheniya* [Without Fujiyama: Japanese Imagery and Imagination]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Shteiner, E.S. (2006, July 9). Yaponiya i «yaponshchina» v Rossii i na Zapade [Japan and „Japaneseness” in Russia and in the West]. *Polit.ru*. Retrieved July 9, 2022, from <https://polit.ru/article/2006/01/18/schteiner/> (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2016). Identichnosti Rossii i Yaponii v poslevoennyyi period (1945–1991 gg.) [Russian and Japanese Identities in the Postwar Period (1945–1991)]. *Yearbook Japan*, 337–352. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (Ed.) (2022). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of the Historical Past in Japan’s Relations With Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Torkunov A.V., Iokibe M. (Eds.). 2015. *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel’noi istorii: kollektivnaya monografiya* [Russian-Japanese Relations in the Format of a Parallel History: Collective Monograph]. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian).

- Vorob'eva, E.S. (2021). *Subkul'tura anime v sovremennom rossiiskom sotsiokul'turnom prostranstve* [Anime Subculture in the Modern Russian Sociocultural Space]. Candidate of Sciences Dissertation Summary. 1–24. (In Russian).
- Zapiski flota kapitana Golovnina o priklyucheniakh ego v plenu u yaponcev (2004). [Notes of Navy Captain Golovnin About His Adventures in Japanese Captivity]. Moscow: Zakharov. (In Russian).
- Zhilina, L.V. (2013). Yaponiya i Rossiya: puti formirovaniya obshchestvennogo mneniya o stranakh-sosedyakh [Japan and Russia: Ways of Shaping Public Opinion About Neighboring Countries]. *Yearbook Japan*, 42, 135–153. (In Russian).
- * * *
- Bartlett, R. (2008). Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. *The Russian Review*, 67 (1), 8–33.
- Bukh, A. (2010). *Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other'*. Oxford and New York: Routledge.
- Cohen, A. (2010). Long Ago and Far Away: War Monuments, Public Relations, and the Memory of the Russo-Japanese War in Russia, 1907–14. *The Russian Review*, 69 (3), 388–411.
- Galvane, L. (2010). In the Middle, Somewhat... Japanese-Russian Mixed Blood Characters in Contemporary Russian Literature. *New Zealand Slavonic Journal*, 44, 69–87.
- Ji-won, Yu. (2020). The Origin of Territorial Disputes in Northeast Asia and Japanese Perceptions of the Russo-Japanese War. A Literature Review. *Pacific Focus*, XXXV (1), 59–75. <https://doi.org/10.1111/pafo.12155>
- Maggs, B. (2010). Imprisoned! Two Russian Narratives of Travel and Captivity in Asia in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: Filipp Efremov in Central Asia and Vasilii Golovnin in Japan. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 52 (3/4), 331–349.
- Perabo, B. (2017). *Russian Orthodoxy and the Russo-Japanese War*. London: Bloomsbury Academic.
- Smorgunov, L. (2008). Strategies of Representation: Japanese Politicians on Russian Internet and Television. In Y. Mikhailova, W. M. Steele (Eds.), *Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images* (pp. 192–207). Global Oriental.
- Wells, D. (2004). *Russian Views of Japan, 1792–1913: An Anthology of Travel Writing*. Routledge.

Поступила в редакцию: 10.09.2022
Принята к публикации: 25.11.2022

Received: 10 September 2022
Accepted: 25 November 2022